

Марлена Рахлина

Я счастлива была

Избранные стихи

ББК 84(4УКР)
P27

Составитель и автор вступительной статьи
Саша Савранская

Верстка и художественное оформление
Максим Максимов

Редактор
Евгений Захаров

В оформлении книги использованы работы
Матвея Вайсберга «Дорожка к морю»
и студии к росписи Джотто «Грехи и добродетели»:
«Сила духа», «Вера», «Надежда», «Милосердие»,
а также портрет Марлены Рахлиной.

Рахлина М.Д.

P27 Я счастлива была. Избранные стихи /Марлена
Рахлина; сост. и вступ. ст. А.Е. Савранская;
Худож. Оформитель М. Максимов – Киев, Оптима, 2025. – 108 с.
ISBN 978-617-7112-42-5

Книга стихов Марлены Рахлиной (29.08.2025 – 5.06.2010)
печатается к 100-летию со дня рождения автора.

ББК 84(4УКР)

© Е.Е. Захаров, А.Е. Савранская (правонаследники), 2025
© А.Е. Савранская (составление и вступительная статья), 2025
© М.Б. Максимов, верстка, худ.оформление, 2025
© Издательство “ОПТИМА”, 2025

*Сестра моя надежда,
защитница земли,
зеленая одежда
затеplилась вдали*

*и стелется по ветру,
застенчиво звеня:
«Поверьте мне, поверьте,
узнайте про меня...».*

*Все исподволь смеется,
все издали поет,
надеждой остается,
надежду подает.*

Несколько слов об авторе и ее книге

Эта книга избранных стихов составлена к 100-летнему юбилею поэтессы Марлены Рахлиной, моей мамы. Она родилась 29 августа 1925 года в Ленинграде, но в 1936 году ее семья вернулась в Украину, и она прожила большую часть своей жизни в Харькове. Две первые книги были напечатаны при советской власти, но в 1968 году ее прекратили печатать, т. к. она попала в черный список литераторов, сочувствующих диссидентам. Начиная с 1990 года, вышли при ее жизни пять стихотворных сборников и две книги переводов замечательного украинского поэта Василя Стуса. Она умерла в 2010 году, а пять лет спустя, было издано полное собрание ее сочинений.

Эта последняя книга была составлена и издана моим братом, Евгением Захаровым, основателем и директором Харьковской правозащитной группы. Невзирая на его постоянную занятость, посвященную его благородной профессии, он помог маме составить и издать все предыдущие книги (минус две первые, подцензурные), всегда был ее помощником и участником ее литературной деятельности. Брат сказал мне: «Давай издадим книгу на мамин столетний юбилей. Теперь твоя очередь составлять, если захочешь.» Так я занялась непривычным для меня делом.

Эта книга совсем небольшая, потому что из многих, написанных ею стихов, я выбрала только самые-самые любимые, многие из которых я помню с детства и знаю наизусть, но всегда волнуюсь, когда их

слышу или просто проговариваю у себя в голове. Эти стихи совершенны по форме и в них отчетливо слышен ее особенный ни на кого непохожий голос и темы, создающие чувство единства и цели. В них нет ничего лишнего или необязательного.

Книга составлена не в хронологическом порядке и, весьма условно, разделена на две части. В первую часть, «Не верь, не бойся, не проси!», включены стихи, которые отражают ее отношение к жизни и ее человеческие качества – неиссякаемое жизнелюбие, бесстрашие и твердую веру в то, что «добро всегда побеждает зло». Ни разу в своей жизни она не поступилась своими принципами и не поддавалась соблазну славы и богатства. Именно поэтому она много лет была опальным поэтом и писала свои стихи в стол. В советское время, с риском для собственной свободы, она поддерживала людей, которые оказались в советских лагерях и тюрьмах, дружила с диссидентами и печатала «крамольные» стихи в зарубежных изданиях. Ее жизнь по любым меркам была нелегкая, но она почти никогда не предавалась унынию и радовалась жизни, как ребенок, сохраняя веру и любовь к миру. Об этом ее стихи.

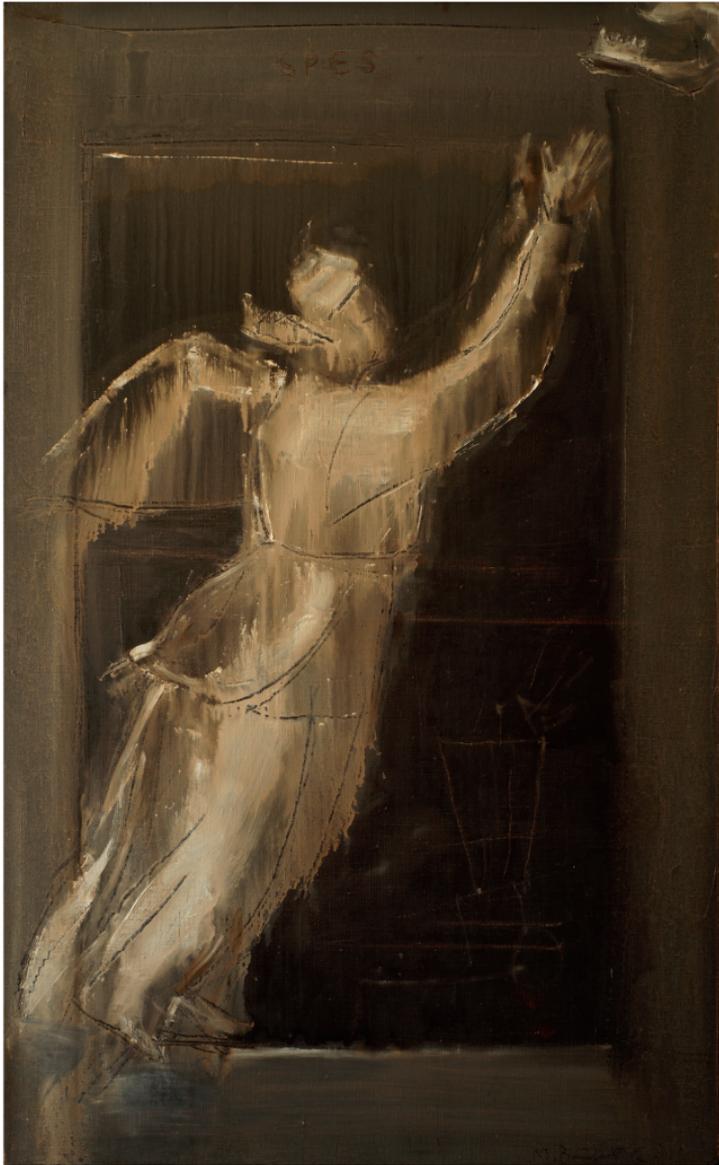
Вторая часть «Одна любовь» содержит стихи, посвященные ее семье и близким друзьям, которых всегда было немало и которым она всегда была верна и предана. Ее человеческое обаяние и оптимизм привлекали к ней людей, и она всегда была окружена толпой друзей и почитателей, была в центре внимания в любой кампании. В раннем детстве я регулярно засыпала под шум голосов, песен и смеха в соседней комнате. Я всегда различала в шуме мамин голос.

Она всю жизнь проработала учителем, и наш дом был наполнен ее учениками, включая бывших зэков, когда она работала в вечерней школе исправительно-трудовой колонии. Некоторые ученики стали близкими друзьями семьи. Я не встретила в своей жизни ни одного человека, который умел бы так очаровываться и очаровывать. Вот сидит перед тобою немолодая женщина, вроде ничем не примечательная, но вдруг все лицо расплывается в улыбке, голубые глаза зажигаются ярким огнем, она начинает говорить и происходит колдовской переход из скучной реальности в волшебный мир. Такой была Марлена Рахлина.

Несколько слов в заключение, которые не сказать нельзя. Эта книга стихов, написанных на русском языке, выходит в Украине в тяжелое для страны время, в разгаре страшной войны, развязанной Россией. Цель этой войны – геноцид, уничтожение государства, украинцев, которые его поддерживают, украинской культуры, самосознания и языка. В ответ на эту ужасную агрессию многие украинцы, даже русскоговорящие, отказались от русского языка. Эта реакция понятна и естественна, но у стихов, представленных в этом сборнике, нет гражданства, а есть твердая вера в универсальную справедливость, благородство и любовь. Я надеюсь, что эта книга найдет читателя в Украине и может быть даже какой-нибудь украинский поэт захочет перевести ее на украинский язык! Я надеюсь, что найдутся читатели, для которых эти стихи станут постоянными спутниками жизни, какими они стали для меня.

Саша Савранская

Не верь, не бойся, не проси!

Надежда

“Не верь, не бойся, не проси!”

*С миром державным я был лишь ребячески связан,
устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья,
и ни крупицей души я ему не обязан,
как я ни мучил себя по чужому подобию.*

Осип Мандельштам

А я и не мучила даже
себя – а жила да была...
Моя золоченая пряжа
прялась и вилась и плыла,

во всяческих дырах и норах,
в беленых хатенках с дымком –
свечой, поджигающей порох,
с улыбкой, украдкой, тайком,

любя только светлое Слово
и только сердечную связь,
боясь – лишь подобья чужого,
державного мира боясь...

В ряды, охранители, стройся,
сминая меня, как траву...
«Не верь, не проси и не бойся!» –
И так я доньне живу.

* * *

Что было в жизни худшего, заслуженного мною,
я честно принимала, любую боль терпя,
но самое любимое и самое родное
лишь даром доставалось мне, Боже, от Тебя!

Из воздуха да солнышка, да словно всамоволку
(да вроде бы невнятица, да вроде ерунда)
втыкало в сердце бедное горячую иголку,
ожоги оставляя на долгие года.

И начиналось радостью, и продолжалось болью,
и завершалось памятью и лепетом навек...
С великою надеждою, с великою любовью
опять вставало солнышко и снова падал снег,

И зажигалась елочка, и продолжалось чудо,
и простиралась Божия дающая рука...
А вот о том, что далее, я подожду, не буду:
и ручки короткие у нас и тайна велика!

* * *

Зимний полдень, вечер летний
и весенний птичий гам –
каждый день, как день последний,
подношу к своим губам,

потому что нет надежды,
нету власти у меня
тленные сбережь одежды
убегающего дня.

Потому что чую снова,
как, скрывая свой испуг,
словно птица, бьется слово,
вырывается из рук,

чтоб в окно – и за террасу,
в поле, в море, в города,
ускользнуть – и затеряться,
затаиться навсегда.

И лишь мир морочить, тонко
и пронзительно звеня
в млечном голосе ребенка,
пережившего меня.

Из любви и беды, постепенно,
из любви и беды, не спеша,
из беды, как Венера из пены,
из беды вырастает душа.

Сад-земля, весь округлый и душный...
Раскаленное солнце печет...
Из беды поднимаются души,
клейкий яд по стеблям их течет.

Говорят, что и мед убивает,
если дал тебе меду дурак...
Пейте ж яд сей, хоть горько бывает,
когда мудрые яд свой дарят.

Радость

Я иду по траве, и роса мои ноги омыла.
Я плыву по воде и качаюсь на тихой волне,
я гляжу и дышу. И какая-то светлая сила,
и какая-то светлая радость сияет во мне.

Ну, пророчь мне кукушка! Трещите, лягушечьи
трели!
Гасни, гасни, мой месяц, ты, белый надкушенный
плод!
И дыханье окутывай, жуткая, влажная прелесть,
этот запах земли, этот дух от дремучих болот.

Человеческий мир и природы таинственный
почерк, –
все открыто и внятно, все знаю и вновь узнаю,
и поет моя радость, душа ненаписанных строчек,
о непрожитых днях недопетую песню свою.

Силой равная солнцу, что верной землю гордится,
в блеске мысли и веры и в чистом сиянье мечты,
будь прославлена Радость, одна, из которой
родится
светлый гений открытий и лирики строгой цветы!

Как я опаздываю на автобус

Слеза замерзает, а то бы
намок задымившийся ворс:
ушел из-под носа автобус, –
до дому одиннадцать верст.

Зачем рукавицей махала,
бежала почти что под ним?
Зачем пожилому нахалу
глазком подмигнула одним?

В потемках дрожит, самолетом
маячит в морозной пыли.
Ах, холодно, жаль самое-то
себя: обсмеяли, ушли.

Пока ты готовишься, горбясь,
обиду и холод терпеть,
твоя подымается гордость
и даже старается петь.

Вот так:

тара-рам, тара-рам, пам,
плевать мне с высокой горы!
А дома зеленая лампа
на столике желтом горит.

А дома мне тапки согрели,
а дома я скину пальто...
А скоро, веселым апрелем,
сама я не сяду в авто.

Вот так я иду. И при этом
к тебе, кто несчастен и лыс,
к тебе обращаюсь с приветом:
не злосья, товарищ, не злись,

опять, отлетав и оттопав,
в поход торопись и в полет,
и если ушел твой автобус,
пускай твоя гордость поет.

Движение

Как просто – жить. Как это грустно
что просто жить, что все пройдет,
что все пройдет и ляжет грузной,
напрасной памятью – про тот,
про этот день... Воды в природе
приход, уход, круговорот,
по новым руслам – и по моде,
на землю – и наоборот.
Волнам плескаться об утесы,
дождям и ветрам, всем семи, –
о совмещенные удобства
любви, базара и семьи,
корысти, страсти и коварства,
точащих землю, как кроты,
Отечества – и Государства,
Косметики – и Красоты...
Все нерушимо, все едино,
неотделимо от лица,
все бережет свои седины,
стоит на месте до конца:
так мелко, словно бы на блюде,
так глубоко – не видно дна,
а волны бьются, волны бьются..

Но пробивается одна!

* * *

Поистине чудо, что мы
живем, не чураясь успеха,
живем среди плача и смеха,
среди лета, а также зимы.

Поистине чудо, что мир,
где столько всего накопилось,
не кончилось и не забылось,
все так же желанен и мил.

А это не чудо ль, что ты,
земля, увлажненная кровью,
с признательностью и с любовью
даришь нам хлеба и цветы?

И между тюрьмой и войной
все рады, все сыты, все пьяны,
так желто и красно вино,
так звонки и полны стаканы.

А главное чудо: шутя
и с жизнью чудак расстается.
Не смысля, смеется дитя –
все ведая, старец смеется.

Все будет завтра...

Все будет завтра, верь мне! Завтра.
Все будет завтра, продержись!
Погожий день, и полный загром,
и замечательная жизнь.

Все будет завтра по порядку,
чему-нибудь да помолюсь.
Я завтра сделаю зарядку,
водой холодной обольюсь.

Я завтра одолею лень
и что в кармане ни гроша,
я понаряднее оденусь,
и люди скажут: «Хороша!»

И завтра труд мой многопудный
окончен будет сам собой,
и завтра друг мой многотрудный
придет, здоровый и живой...

И неужели хватит духу
у злой судьбы, у бытия
убить счастливую старуху,
которой завтра стану я?

* * *

Как полон был прошедший день!
Как сладко музыка звучала!
Как дружно солнышко и тень
трудились – все начать сначала!

Все клеилось, во всем везло,
как будто жизнь вместили сутки,
и пела молодость – назло
годам, приличью и рассудку.

Подумаем же, не спеша:
А, может быть, не так уж плохо
давать дышать тебе, душа,
и не бояться силы вдоха?

Ведь ты живешь не так, как я,
а так, как небо голубое.
Не я, не я тебе судья,
не я хозяйка над тобою!

Побег из Содома

Когда со всех ступеней мы сойдем,
чтоб никогда обратно не вернуться,
оглянемся на свой родной Содом.
О, праведники, как не оглянуться!

Виновных нет меж нас ни одного,
навек отречаемся от дома.
Бог повелел идти: ведь перст Его
коснется завтра нашего Содома.

О, праведники! Справедливей всех –
а каждый оглянулся, как насильно:
Здесь наше все, и даже стыд и грех,
и запах крови – матери и сына.

Оглянемся – останемся на нем,
останемся, и сомневаться не в чем,
на кладбище на том на соляном,
от всей вины своей осолоневшем.

Век

Не позабыть и не простить,
что сделал век мой, враг и враль:
горячей крови дал простыть,
апрель перевернул в февраль,
не только сосны – и дубы
ты переделал на гробы,
звон колокольный – на «звонок»,
а ворона – на «воронок»,
а от звонка и до звонка,
от воронка до воронка
легла дорога, как река
под наименованьем Лета,
и ни ответа, ни привета,
одна тоска...

Ничем не отблагодарить
тебя, мой век, великий врач:
пошел свои дары дарить –
кто глуп и слеп, стал мудр и зряч.
Не только старых – и младых
ты – под печенку и под дых,
чтоб прозревали и могли
узнать, «в чем счастье на земли»...

А счастье вот в чем: та река
для нас становится мелка,
езда становится легка
хоть через зной, хоть через вьюгу
и узнаем на ней Друг – Друга
издалека!

Правда

*...Но песня
не согласна ждать!
Э. Багрицкий*

Я знаю, жизнь моя лишь веха,
судьба – лишь искра от огня:
не я «шагаю в ногу с веком»,
а век проходит сквозь меня.

Вот он идет: ликует, ропщет,
рождает в муках и болит,
и я клонюсь, когда он топчет,
и я лечу, когда велит.

Чиня поломанные крылья
и клея зеркала куски,
одолеваю срам бессилья,
освобождаюсь от тоски...

Ну, что ж! Судьбе своей я рада,
хотя я знаю: явь ли, сон
мне не дадут увидеть, Правда,
твое прекрасное лицо,

но, слышишь, ждать не хочет песня,
и вот я окунаю вновь
тобой оброненные перья
в текущую из сердца кровь.

* * *

Не ври, не ври, здоров, не болен,
свою судьбу благодари,
ешь хлеб и мясо. Будь доволен,
и лишних слов не говори.

Люби жену. Лови ночами
ее дыхание у щек.
И так, в терпенье и в молчанье
будь жив: чего тебе еще?

Эпохе под ноги травую
стелись, перемогая боль.
Зачем так горько и тревожно
искусство плачет над тобой?

Его бессмысленная сила
вдали от рабства и от зла
так высоко тебя носила
и никуда не унесла...

Под лязг железный, звон кандалный,
сквозь стон отцов и сыновей
поет нежданно и скандально
смешная птица – соловей.

* * *

Ведь что вытворяли! И кровь отворяли,
и смачно втыкали под ногти иглу...
Кого выдворяли, кого водворяли...
А мы все сидим, как сидели, в углу.

Любезная жизнь! Ненаглядные чада!
Бесценные клетки! Родные гроши!
И нету искусства – и ладно, не надо!
И нету души – проживем без души!

И много нас, много, о боже, как много,
как долго, как сладостно наше житье!
И нет у нас бога – не надо и бога!
И нету любви – проживем без нее!

Пейзаж моей Родины неувядаем:
багровое знамя, да пламя, да дым,
а мы все сидим, все сидим, все гадаем,
что завтра отнимут? А мы – отдадим!

1975 г.

Народовольцы

Лишь на миг утоляя невзгоды
и навек разрушая уют,
ваши восьмидесятые годы
сквозь столетье пред нами встают.

Не бывает ни рано, ни поздно,
не касается времени лет
строгих ликов красавиц серьезных
и красавцев с глазами, как лед.

С ваших стен не смывается копоть,
все у вас заготовлено впрок:
динамит, револьверы, подкопы
и, на экстренный случай, клинок.

И все глубже впивается жало
и зигзагом бежит через век,
удирая от пуль и кинжалов,
пожилой и больной человек.

Смерть за смерть подобает мужчинам,
кровь за кровь, дух за дух, дурь за дурь.
И работает лихо машина
удушений, и каторг, и тюрем.

И не зря мое имя – Марлена,
и не зря я сложила сей стих.
Бог велел – до седьмого колена
отвечать нам за предков своих.

* * *

...царственное слово
Анна Ахматова

Все, кто оружие с омерзеньем в руки
берут, не вынеся обычного житья,
то бишь, кто пошлости, кто подлости, кто скуки –
они понятны мне, как старые друзья.

И верю я, что путь их благороден,
и я люблю, что души их чисты,
и знаю я: кто умер, тот свободен
от лишней и обидной суеты.

Беда лишь в том, что дело их не ново:
все от врага – да к злейшему врагу.
А вся надежда – «царственное Слово».
Нам сказано – «В начале было Слово».
И я молюсь – в конце услышать Слово,
и силою владеет – только Слово,
и чудеса свершает – только Слово
на нашем бедном жизненном кругу.

Слова

Словцо, что понравилось вам –
душа у словечка кривая:
я, Марфа, не верю словам,
я бедность в словах не скрываю.

Прекрасное слово «вода» –
для жаждущих – страх и проклятье,
в жару – не спасет никогда
прекрасное слово «прохлада»...

Я стану трудиться: водицы налью,
я дров наколю, потеплей натоплю,
и солью насущной – твой хлеб посолю:
все это тебе, вместо слова «люблю».

Но вот ты напился и сыт,
тебя теплота разморила...
Мой друг, мой желанный, мой сын,
зачем же ты шепчешь: «Мария»?

И шепот ползет, словно ветер с лаванд:
«Мария, Мария, скажи мне СЛОВА!»

* * *

Слова, слова, слова... Да где они, да что они?
Да вот они, лежат – любое выбирай!
Прозрачные слова мне Богом надиктованы,
прозрачные слова – они мне ад и рай...

Прозрачные слова, печальная попевочка,
взамен любви, взамен страданий – свет в окне,
чтоб украшался мир, чтоб утешалась девочка,
которая всю жизнь мою живет во мне.

Прозрачные слова – вы жизни заменители,
прозрачные слова, вечерние огни...
Ведь то, как я жила – вы слышали и видели,
но то, как я жила – расскажут лишь они!

* * *

«Ну, что, брат Пушкин? – Так, брат, как-то все...»
То вкривь, то вкось, то впрямь – да ненароком.,
вращается Фортуны колесо:
к кому – спиной она, к кому-то – боком,
к кому-нибудь – немеркнувшим лицом...
Да стыдно ждать, да ожидая спятишь,
и чтоб себя не числить подлецом,
душе своей – душой своею платишь...
Так краток день, так ненадежен кров,
и бедный быт так жалок и дурашлив,
не греет ног скудеющая кровь,
не греет рук скупой очаг домашний,
и умноженье годовых колец
отяжеляет ствол, отяжеляет...
А где-то там записан твой конец,
и есть, и открываться не желает.
И все живешь... Трепещет волосок –
голубенькая жилочка сосуда,
и боже мой, как сладок жизни сок,
по капле извлеченный отовсюду...

А может, сами пишем мы ее,
всю нашу жизнь, отделявая строчку
за строчкою, и каждому – свое,
и медлим ли, спешим ли ставить точку,

но водит Бог старательным пером,
и тем, кого он в самом деле любит,
лишь в нужный час, сверкая топором,
неумолимо голову отрубит,

И, может, так и нужно наперед,
чтоб жизнь была полна, а смерть – кровава,
и тех, кто мутен был, забвенье ждет,
а тех, кто точен был, венчает слава.

Песня о маятнике

А время маятник колеблет,
все умирает потихоньку,
все убывает помаленьку,
и что-то кратче стало лето,
и что-то крепче дует холод,
а время маятник колышет
ленивей, медленней и тише.

А песня лучшая не спета,
стоит, как кустик среди степи,
слова желтеют, увядают,
слова на землю опадают
и обнажают голый стебель.
И, весь разутый и раздетый,
молчит мой кустик среди степи.

А время – ноша за плечами.
А время маятник качает,
а время песенку кончает...
И начинается все сначала!
Травинка в землю постучала,
и зеленеет голый стебель.
Поет мой кустик среди степи.

Песня о весеннем снеге

Весенний снег, которого не ждали,
весенний снег: успели позабыть...
Весенний снег, скажи, какие дали,
весенний снег, тебе велели быть?

Вот новый день – и мы в нем жить хотели,
вот новый день, но снег его занес,
вот новый день – но старые метели,
весенний день – но зимний жжет мороз...

Весенний день, ты сгинешь, ты растаешь,
весенний снег, ты превратишься в смех,
и ты еще искать себя заставишь,
неверный снег, мой прошлогодний снег...

Дорога

Дорога, ты подвижница.
Нельзя ль тебя сменить?
Все движется. Все нижеется
в блистающую нить...
Повечереет, смеркнется:
там звездочки лежат –
тут фонари, как зеркальца,
на столбиках дрожат,
и мельтешат, и кружатся –
мелькнул – и был таков –
в сыром асфальте, в лужицах
осколки огоньков...

Ты вьешься, озаренная,
струишься, как река,
глаза твои зеленые
блестят издалека,
и песня твоя древняя
таинственно звучит,
пока проедем дремлется,
пока мотор стучит,
сады и огороды
по двум твоим краям,
и радости короткие,
пусть с горем пополам.

И старые гудошники,
друзья мои отпетые,
веселые художники
и грустные поэты.
Ты моей жизни эхо,
ты крест в моей судьбе,
и ехать мне, и ехать мне,
и ехать по тебе...

Сказка про золотую рыбку

Мне много не надо: улыбка,
какой-нибудь глупый пустяк...
Вот птичка – летит, но не шибко,
вот рыбка – плывет, но не глыбко:
не глыбко, не шибко – пусть так!

Сама я немногoго стою,
и дом мой – ну, разве на слом:
пустое занятье, пустое –
треску – величать золотою,
синицу – хвалить журавлем.

А все ж, если злобно хватает
и гложет волчица-тоска –
приди! Так и быть, полетает
журавль. Так и быть, покатает
тебя золотая треска!

* * *

Голоса улетающих птиц умолкают среди чуждой
природы.
Вслед за ними все новые, новые, новые стаи летят.
Птицы певчей породы, родной, драгоценной,
нездешней породы
тут, на стуже, меня покидают, со мной зимовать не
хотят.

Но прекрасно и здесь, но отлично и здесь, на
родимом болоте:
крылья в тине увязли, привычно, устойчиво наше
былье...
Вспоминают ли птицы в своем сумасшедшем и
буйном полете,
вспоминают ли дом и любовь, и друзей, и родное
болото свое?

Ну, а мы-то живем – не чирикаем: кормимся
кислым и терпким,
обнимаемся, греемся, терпим, находим, что можно
терпеть.
Ненавидим – и терпим, надеемся, веруем, любим –
и терпим,
выбираем – любить и терпеть, навсегда разучаемся
петь.

Яд Ва-шем, детский зал

Синим, желтым, сиреневым тонкие свечи мигают,
не освещая полуночной тьмы и не питая родник.
Эта дорога – не их, это дорога другая,
эту дорогу придумали мы – в память погубленных них.

Этой дорогой идут, кто невзначай и случайно
живы остались, и Жизнь требует их и зовет.
Тянет сюда и влечет неразрешимая тайна:
те-то погибли, а эти – вот чудо – шагают вперед!

Путь в темноте долог, неверен и шаток,
слева и справа, с разных сторон, из разных дверей
прыгают тени, кричат со своих незримых лошадок
имя, дату и место, и главное слово «еврей»!

Что ж, еврей как еврей – и за это я погибаю,
даже не зная еще, зачем я жил и зачем
вы убили меня?

И потому – подобает
мне Музей Катастрофы – памятник Яд Ва-шем!

Прозрачный октябрь

Пахнет палым листом, пахнет дымом и горькой
травой,
и несказанным словом упрямое сердце томится,
и летящие стаи кричат над моей головой:
это осень пришла, то прозрачная осень дымится.

Это листья горят, и спешат умереть и согреть,
это тлеет листва изнутри в своей мокрой темнице,
это тлеет листва: все горит и не может сгореть,
и прозрачной стеной окружает октябрь, и
дымится.

Метит белым мороз обреченную землю уже,
над багряным и желтым на синем краснеет
денница,
и прозрачен октябрь, и надежда все тлеет в душе,
пахнет палым листом, и не может сгореть, и
дымится.

* * *

*...Жить – это только привычка.
А. Ахматова*

Как будто сердце осени горит
здесь, на шуршащей, дышащей поляне.
Багрово-красно времени пыланье,
сквозь шорох листьев – вечность говорит.

И я, склонясь к холодному костру,
людских костров прежарче и превыше,
впервые не жалею, что умру,
что жизнь моя – лишь сладкая привычка...

С прозрачностью небес – земная твердь
там, вдалеке, сливается прилежно.
Все на местах, любовь моя! И смерть
прекрасна, потому что неизбежна.

Цветок

Над широким листом изогнул лебединую шею
нераскрытый цветок: и своей красотой
величается,
и не знает своей красоты, и еще хорошеет,
и стоит на ветру, и росой блестит, и качается.

Ни начала ему, ни конца: впился в черное лоно,
влагу пьет, слезы льет, испаряется, дышит, как
дышится.

Совершенство не знает творца: вьет свой листик
зеленый,
все стоит на ветру, все росой блестит, все
колышется...

* * *

Блаженно живу, усмехаясь,
и ноша мне стала легка...
Как быть, чтоб тебя услышали?
Хотите, отвечу? Никак!

Не надо, не надо стараться,
из кожи вылезать долой.
Не надо, не надо бояться
без славы вернуться домой,

и позднему времени года,
звнящему спелой листвой,
не слава нужна, а свобода,
не подвиги, а естество.

Всю жизнь в суете и в содоме,
в тревогах трудов и утрат
стучит и хлопочет садовник,
растит потихоньку свой сад.

Устанет - крылами своими
укроет беднягу любовь.
А саду – зачем ему имя?
Он – сад, это видит любой!

* * *

Зной поспеет, брызнет сок:
это лето созревает.
Солнце землю согревает.
Спит до завтра колосок.

Под покровом расписным,
под листьями золотыми,
под снегами молодыми
засыпаю вместе с ним...

Кто тут старец, кто юнец?
Надо ль рваться вон из круга,
где начало и конец
так похожи друг на друга?

Все мешает суета
неисполненному долгу:
знать, что смерть – не навсегда,
не навечно, не надолго.

И пока густеет кровь,
все грознее и все чаще
в малом мускуле стучащем
не вмещается любовь,

и течет, течет из уст,
из очей потоком льется,
в новой песенке поется
без ошибок, наизусть.

Молитва

Стоит старый дуб посреди пути,
что на три дороги расходится...
Эх, пора бы знать, по какой идти.
(И не хочется, да приходится).

Дятел тук да тук посреди дорог,
твое имя тук, твоё отчество!
Помоги мне, Дух, помоги мне, Бог,
полюбить своё одиночество!

И, не слыша, что здесь стучит лото,
и счастливчики награждаются –
совершить все то, завершить все то,
для чего на свет нарождаются.

Да, ничтожна плоть и отвратен тук,
не Величество, не Высочество,
ну, а все же, все ж – дятел тук да тук,
мое имя тук, мое отчество...

Река времен

Река времен течет, мгновенья губит,
покуда с ней себя не породним...
Я мир люблю, а он меня не любит.
Конечно, я виновна перед ним.

А в чем виновна – этого не знаю.
Цепляюсь за траву, идя ко дну...
Доколь – неумудренная, земная –
не знаю, в чем – дотоль не потону.

Но будет миг – из всех – ко мне добрее,
когда – с трудом, а, может, без труда,
сама возьмет, укроет и согреет
всю-всю меня простившая вода!

Начало

*Когда бы воли и ума хватило б для того,
я б счастье сделала сама – из сердца своего!
(Из моих детских стихов)*

На голодный желудок мне легче писалось
там, на голом столе, на бумажном стогу.
На голодный желудок мне вечно казалось,
что я всех одолею и все я смогу.

На голодный желудок мерещились страсти,
поцелуи, объятия, проклятья – и ах!
Я хотела творить вам красивое счастье,
разноцветное, в лентах, в бумажных цветах!

Я была молода – только этого мало.
Я была хороша – это ладно, зачтем,
и какую я жизнь прожила, проиграла
на подмостках, где солнце сменялось дождем,

на подмостках, где вдоволь и ада, и рая,
где поют, ни любви, ни тоски не тая,
на подмостках, где я до сегодня играю:
на безумье похоже – и все ж это я!

Обещала познание? Не обещала!
Обещала блаженство? Его и творю!
Что ж так тупо глядите и так обнищало?
Эй! Послушайте! В шляпе! Я Вам говорю!

* * *

Как же уютно мне, Господи! Вытру лицо...
Кончилась музыка, сказка рассказана, песня
допета...

Пусть не совсем, не совсем... Ну, еще два куплета –
будет допета она – и тогда уже – все!

Можно укрыться теплее, глаза затворить,
выключить радио и отключить этот телик,
и отдохнуть, и проспять хоть четыре недели,
главное что? Не смеяться и не говорить.

Главное что? Он закончен, мой трудный урок,
горб этот снят, отпустила меня моя тяжесть...
Где же она? На кого же теперь она ляжет?
Что мне за дело – кому-то пойдет она впрок!

Я же – свободна, свободна, вольна и вольна!
Вот же она, вся лежит на песке и не смотрит в
глаза мне –
тяжесть, тяжелая, как придорожные камни,
тяжесть плескучая, словно морская волна...

Слово

Все покинут – а ты не покинешь!
Все уйдут – только ты не уйдешь!
Не соришь ты в огне, не остынешь
на морозе, не вымокнешь в дождь.

Лишь погаснешь на время – и снова
засияешь огнем средь дорог,
золотое, любимое Слово,
мое счастье, надежда и Бог!

* * *

Ослепительна жизнь напоследок!
Светоносны дожди и капли...
А с утра еще птицы запели...
Хоть ты так посмотри, хоть ты эдак –
ослепительна жизнь напоследок!

И пока еще главные муки
не настали, и дух еще дышит,
даже боли корявые руки –
и они – лишь историю пишут
нашей встречи, любви и разлуки.

Все далось: наслажденья, мученья,
и любви, и дружества узы,
и исполнены точным значением
недомолвки, размолвки, союзы...
Каждый-каждому – боль и леченье...

Ах, как солнечный день этот редок!
И все звуки – от смеха до плача –
понимаются лучше, иначе...
Стали рядом потомок и предок...
Ослепительна жизнь напоследок!

* * *

«Неслыханные перемены,
невиданные мятежи»,
но чую, как уходит жизнь
из моих членов постепенно.

Из моих теплых ног и рук...
Счет дней, часов, мой путь измерен.
Но дух, неустрашимый дух, –
уж он всегда в себе уверен!

И как он прав! Как только суть
моя земная прекратится,
он, прихватив чего-нибудь,
что было мной, навек простится

с моей Землею.

Мать моя –
природа сразу не приемлет
его в границах бытия
задерживать. И тело – в землю,

а дух?

Куда – я не спрошу

(ведь не мое земное дело –
расспрашивать!), а попрошу

о том лишь Бога неумело,

чтоб грешная душа моя

Ему ничуть была б не в тягость,

а вся б моя земная благодать

коснулась Божья бытия!

Все кончается...

Незаметно кончается лето,
Вмиг окончится год перемен,
все кончается... Кончится это
и ничто не начнется взамен.

И останусь одна я, одна я
поздним вечером и поутру,
и никто мне не скажет: родная!
И никто... А потом я умру.

Но сначала... Услышу сначала,
как, прекрасна, победна, мила,
вся ушедшая жизнь прозвучала,
убеждая меня, что была,

и тихонько, ничем не наруша
обаянья, мерцанья, тепла
и любовью наполнивши душу,
перед тем как — что делать? — ушла!

Снег, ты мой друг...

Снег ты мой друг, и то всего дороже
в тебе, что ты так холоден и бел, –
а вот прильнул к руке моей – и ожил,
согрелся сам и руку мне согрел.

Нет, то всего дороже, что искрится
пыль снежная серебряным кустом,
и чудо, от которого не скрыться –
пыль снежная на солнце золотом.

Но что всего дороже – это то, что
ты от меня уйдешь, но не навек,
что ты опять вернешься, это точно,
блестящий и скрипящий верный снег...

Ну, а когда произойдет иначе:
уйти придется мне, и я уйду –
мой старый друг прикроет и запрячет
тот малый холм, чтоб не был на виду...

Он посетит не раз меня и ляжет
в подножье у серебряных перил,
но больше никому уже не скажет
слова, что только мне он говорил!

Размышление в ненастный день о том, что такое счастье

Когда Косая, бросивши дела,
обнимется со мной на смертном ложе,
я так скажу: я счастлива была,
а если не поверите – ну что же...

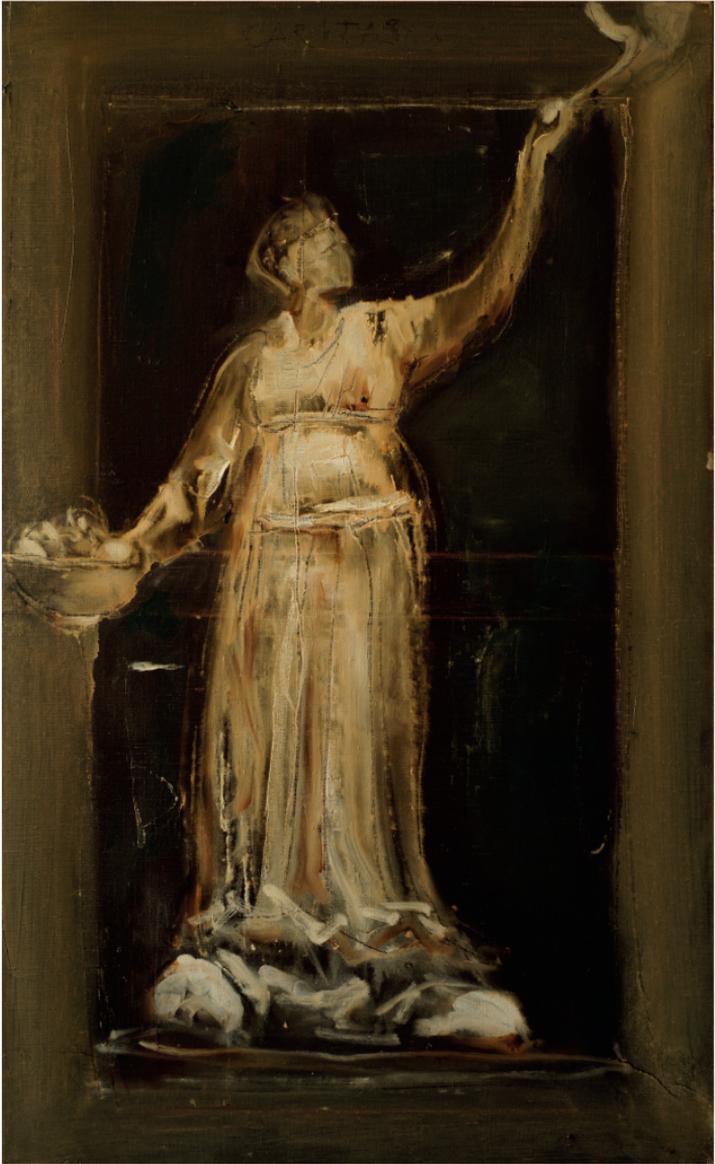
Жила-была, не ладились дела,
случалось ждать, и плакать, и бояться,
ни знаний, ни двора, и ни кола,
ни славы, ни успехов, ни богатства...

Я повторяю: в радости, в беде,
в трудах моих, удачах и потерях,
и в дружбе, и в любви, и во вражде
я счастлива была, себе поверив,

что счастлива... О, как прозрачен дождь!
Как простодушен он, и добр, и светел...
Но вы опять не верите... Ну что ж!
Ведь есть же те, кто верит мне, на свете!

И в дальней, запредельной стороне,
к вам выглянув, как станет пояснее,
я так скажу: грех жаловаться мне,
я счастлива была: нам здесь виднее!

Одна любовь

Милосердие

Одна любовь

Одна любовь – и больше ничего.
Одна любовь – и ничего не надо.
Что в мире лучше любящего взгляда?
Какая власть! Какое торжество!

Вы скажете: «Но существует Зло,
и с ним Добро обязано бороться!»
А я вам дам напиться из колодца,
любовь и нежность – тоже ремесло.

Любовь и нежность – тоже ремесло,
и лучшее из всех земных ремесел.
У ваших лодок нет подобных весел,
и поглядите, как их занесло!

«Увы, мой друг, – вы скажете, – как быть:
любовь и слабость или злость и сила?»
Кому что надо и кому что мило:
вам – драться, им – ломать, а мне – любить.

А мне – во имя Сына и Отца,
во имя красоты, во имя лада...
Что в мире лучше любящего взгляда?
И только так, до самого конца!

Как отдать?

Я умная, любимая. Пишу
хорошие слова. Читаю книги.
Живу – не надышусь, не насмеюсь,
не наживусь. Живу и не старею.

И вот такая, я иду вперед.
В лицо мне ветер и мороз – вперед!
Упругим шагом по снегу – вперед...
А девочка горбатая – навстречу.

Я умная, красивая, смотрю
веселыми влюбленными глазами
на старенькое, нищее лицо,
еще не понимая, что случилось.

Но мне навстречу – жалкие глаза,
ее больные, тихие глаза,
все знающие, древние глаза –
в мои глаза. Но что же вы хотите?

Зачем вы боль вливаете в меня,
пронзительную боль – своим вопросом,
пронзительным, как крик? Зачем вам я?
Я ничего тут не могу поделать.

Вот если б я могла тебе – возьми!
Отдать все, чем богата я, – возьми!
Возьми всю радость, и любовь – возьми!
Возьми! – Я сразу выстрою другую.

Но ни к чему наш странный разговор.
Ты б и хотела взять, но ты не можешь,
а я хочу и не могу отдать,
и мы с тобой расходимся навеки.

Но я иду все дальше, все вперед!
Без красоты, без чуда, но вперед!
Никто меня не любит – но вперед!
Без молодости, без судьбы, без веры
я, ставшая тобой, иду вперед!

*Памяти моего мужа
Ефима Юльевича Захарова*

*О милых спутниках, которые наш свет
своим сопутствием для нас животворили,
не говори с тоской: и х н е т ,
но с благодарностию: б ы л и .*

В.А. Жуковский

*

Стоит наш дом
среди двора,
и к нам ветра
из всех окон,
а ты все жжешь
свои дрова,
неугасимый мой
огонь!

Вся сила рук,
и верность глаз,
и наболевшее плечо –
весь труд,
чтобы огонь не гас,
чтоб мне тепло,
чтоб горячо.

И я, не чувствуя вину,
пока не грянет наш отбой,
насквозь озябшая, прильну,
и греюсь я
тобой,
тобой!

*

Ты воздух: дышу и не знаю.
Ты сердце: живу и не чую.
Ты солнце: не выйдет сегодня –
наверное, выглянет завтра.

Когда улетучится воздух,
когда остановится сердце,
навекы закатится солнце –
узнаю, что ты для меня.

*

Двадцать лет назад тому
жизнь свою на старой тачке
сквозь декабрьскую тьму
вез чужак своей чудачке.

Двадцать лет тому назад
мы с тобою поселились,
твои хмурые глаза
неохотно веселились,

руки десять дней подряд
били тонкие стаканы,
на единственный наряд
опрокинули какао,

и с тех пор – до самой тьмы
крепко связаны судьбою.
Неужели это мы?
В самом деле, мы с тобою?

Этот сын и эта дочь –
в самом деле наши дети?
Двадцать лет как день и ночь,
словно не было на свете!

Счастье бедное мое,
без измены, без обиды,
это ветхое тряпье,
эти стулья-инвалиды,

эта теплая постель
то ли мужа, то ли брата,
этот перечень потерь –
без надежды, без возврата...

Сбилась я, теряю нить,
все неверно, все иначе,
не дано мне объяснить,
кто ты есть мне, что ты значишь!

2 декабря 1971 г.

*

Дождались мы! Дошли! Докатились!
Рассчитались за все, расплатились,
в окруженье родных и друзей
отмечаем такой юбилей!

Ну, спасибо тебе, ну, спасибо,
что люблю я тебя горячо,
что, когда меня ветром носило,
за твое я хваталась плечо,

что одни мы остались на свете,
неподвижную тайну тая,
и туда – ни друзья и ни дети –
только ты уплываешь, да я...

10 мая 1990 г.

*

Ты, друг единственный, мой верный друг,
ты, до конца трудящийся за двух,
до самого скончания полный сил,
ты, любящий, как нам Господь судил,

ты, в этой жизни, тяжелой и крутой,
сияющий умом и добротой,
все знавший – нищету и торжество,
но так и не поверивший в Него!

Что делать мне теперь с тобой, с собой
и с нашей обреченною судьбой?
Ведь т а м, где нужен ты, а не другой,
нам никогда не встретиться с тобой!

*

Уже полсотни лет – без года
мы прожили с тобою, милый,
и только ясная погода
с начала – до сих пор – светила,
с начала – до сих пор – сияла
и долгий путь наш озаряла.

Я знаю точно: все, что было,
благодаря тебе являлось –
благодаря тебе любила,
благодаря тебе дружила,
благодаря тебе влюблялась
и разлюбляла, и, похоже,
свои стихи писала тоже
в твоей плоти, в твоём доме,
не понимая, почему.

Я до сих пор не разумею,
как повелось у нас с тобою,
как вышло – без труда, без боя,
лишь голубея-розовея...
Спасибо, милый, за такое
неповторимое, родное,
у нас расцветшее повсюду
и удивительное чудо!

10 мая 2000 г.

*

Я одинока, друже, и это хорошо:
ведь кто же, кроме мужа, мне мужем может быть?
Портрет перед глазами, а он уже ушел
туда, где я не знаю, как мне его любить?

Сквозь дни я пробираюсь и сквозь ночную тьму,
и верю, что увижу того, кого люблю:
ведь все равно на свете нет равного ему,
недолго и до встречи, с трудом, но дотерплю.

И что ж, выходит, жив он, покуда я живу,
и не помрем мы оба, когда помру и я:
ведь живы наши дети, и видят наяву
нас, молодых, счастливых, на гребне бытия.

Вошли большие внуки и правнучку внесли,
и не скучает счастье, стуча в мое окно.
У ласковой старушки, у маленькой Земли
огромное бессмертье – со смертью заодно.

*

Как тебе удалось – после смерти твоей,
посреди всех приливов-отливов,
одиночества дней и печали ночей
меня в мире оставить счастливой?

Это все потому, что не можно забыть
грубоватость изысканной речи,
неустанность ходьбы, необычность судьбы
и твоей красоты человеческой!

«Всегда, всегда...» Мой птенчик, мой птенец!
«Всегда, всегда...» Что ж, тешься, утешайся,
чтоб после, в одиночестве тишайшем,
учиться слову странному «конец».

Но если так, плачь, мальчик, плачь, малыш!
Век вопрошая, время проницая,
ты сам того не знаешь, прорицатель,
подле каких порогов ты стоишь.

Придет любовь – уйдет, придет беда –
уйдет... придет... уйдет... Концы с началом свяжешь
и, может быть, вослед за мною скажешь:
«Страшусь двух слов: «всегда» и «никогда».

*

Как я не умерла

У ада и у рая
веселенький дележ:
лежу и помираю,
и жить уж невтерпеж.

От края и до края
тут вся моя игра.
Лежу и помираю:
пришла моя пора.

А сын, моя кровинка,
большой детеныш мой,
красивый, как картинка,
кричит: «Вернись домой!»

Вернись! Нам очень плохо!
Сиротский мы народ!»
Перед последним вздохом
мне дышит прямо в рот...

Так вот какое дело!
Он, тьму на свет сменя,
был лишь кусочек тела,
отпавший от меня,

а стал большой мужчина,
привыкший вдаль смотреть,
имеющий причины
не дать мне умереть.

Безжалостно и грубо
меня он тормозит,
и все мне дышит в губы,
все тьмой меня страшит...

Ну, раз уж не пускают,
ну, раз уж не дают,
насильно возвращают
в насиженный уют,

ну, раз такая скидка,
такие вот дела,
мне стало очень стыдно,
и я не умерла!

*

Подпорченный сонет

*Но я предупреждаю вас,
что я живу в последний раз
Анна Ахматова*

Живу – до смерти: вот и весь мой сказ!
А раньше смерти не помру, поверьте...
Живу! И даже в свой последний час
я отверну глаза свои от смерти
и буду пялиться – на вас, на вас!

Что ТАМ – не знаю, здесь же и сейчас
все-все – мое! Ни ангелы, ни черти
не в силах оторвать меня – от вас,
какая вьюга нами ни завертит,
(а вьюги – все – нам были – в самый раз!)

Мне так хотелось тихого житья,
что даже муза резвая моя
на мир и тишину была согласна.
Но шесть десятков лет, из года в год,
господь мне угомону не дает,
а я, учтите, Господу подвластна,
и все – живу, живу – «в последний раз»!

Прогулка с дочерью

В этом городе я проживала,
я на улицах этих бывала
«и топтала торцы площадей»,
и сегодня на них я очнулась
и в прошлое вдруг оглянулась
рядом с дочерью взрослой моей.

Все ли кончилось? Жизнь состоялась?
Или что-то в ней так отстоялось,
что хоть впору сначала начать?..
...А над городом листья кружатся
и на землю так смиренно ложатся,
как на сердце ложится печаль.

О, не то мне, не то обещали,
и не так начиналось вначале,
я скривила, на этом стою,
Что же я вам никак не втолкую,
что я жизнь прожила не такую,
а другую, совсем не свою?

И наказана: кончились сроки,
и затих, и умолкнул высокий
прозвучавший над жизнью дискант,
и молчанье рокочет и плещет,
и печалью ложится на плечи,
и Господь – не диктует диктант.

Что ж, пускай, раз сама заслужила,
и своими руками сложила
свое сердце – живу, не тужу,
и поэмы я – не начинаю,
и сонеты я – не сочиняю,
а стираю белье да сушу.

Ну, а жизнь продолжает упрямо:
скоро дочка моя будет мама,
а я бабушкой стану вдвойне,
и украшусь я ношей двойною,
и что только случится со мною
в новом мире и в новой войне!

* * *

Как хороши наши дети, когда соберутся
вместе (давно не видались – увиделись на день).
Вот они: ходят, садятся, встают и смеются,
мальчик и девочка – взрослые тетя и дядя.

Карий – ее, голубой – у него – эти ясные взгляды,
девочка – в бабу, а мальчик – весь в деда он вышел...
Верьте – не верьте, а мне бы и рая не надо:
только смотреть бы, и видеть, и слушать, и слышать!

Любовь

Тебе холодно, милый?
Тебе холодно, маленький?
Твое платье промокло, и пламя костра
угасает, а сам ты дрожишь, застываешь.

Задувает, ворочает ветер варяжский
головни на огне, и последняя ветка сырая
догорает, и нечего бросить в костер.

Я кладу свою руку. Тепло?
Это пламя по ней потекло.
Посмотри, как играет багровый костер.
Нет, не бойся, не больно, я рада.
И все это – правда!

Я сжигаю себя по частям. И листает костер,
мои плечи и пальцы.
Прости, не смотри.

Здесь не будет парада.
Я сгорела. Зато ты согрелся.
И все это – правда.

Всем моим детям

Спорьте, ссорьтесь и шутите,
говорите, что хотите,
лепечите без конца,
я же молча, во все уши,
буду слушать ваши души,
ваши милые сердца.

Потому что, мои дети,
только двое – мать и ветер,
сквозь огонь, беду, слова,
вас посеяли на свете,
а теперь у нас – жнива.

Да, теперь мы – что такое? –
Целый день сидим в покое,
целый день сидим в тепле,
и вино у нас – золотое
на серебряном столе.

Потому что, мои дети,
(не читайте строки эти,
что бумагу зря марать!)
я оставлю вас на свете,
когда буду помирать.

* * *

Знаете вы, как смеются дети?
Просто смеются, радуясь смеху,
радуясь радости, радуясь воле,
птицам, цветам и сиянью солнца,
голосу, топоту и движенью.
Плещутся в ветре. Вдыхают запах
листьев, горячей травы и влаги
и, оглядев удивленным взглядом
светлое лето свое, смеются!
Видели вы, как танцует мошка
в узеньком столбике знойной пыли?
Слышали, как распевает птица,
ввысь устремляясь, за верной песней?
Знаете вы, как смеются дети,
ляясь и звеня, воплощая в смехе
радость земли и ее надежду!

Помнишь, тебя разбудил среди ночи
крови и нежности тихий комочек?
В каждый твой мускул и в каждую складку
он проникал так дремотно и сладко.
Помнишь, сплетались в борьбе и усилье
счастья и боли тяжелые крылья.

Билось, терзало, на волю хотело,
тело рвалось из распятого тела.
Помнишь, как вырвалось звонкое тельце,
красное – в белое полотенце.
Миг – и сияет немеркнувшей искрой
воля, и вера, и труд материнский.
Пьет он твой сок, твою теплую влагу,
мысль и любовь, и красу, и отвагу,
и расправляет окрепшие плечи
в блеске и в радости сын человеческий.
Глянул вокруг – и доволен остался
миром открытым – и вот засмеялся!

Знаете вы, как смеются дети?

Юлию Даниэлю

*

Я боли больше видеть не могу;
позволь, остановлюсь, позволь, устану.
Плыви, мой друг, плыви, а я отстану.
Плыви – я посижу на берегу.

Плыви по морю боли, милый друг.
Позволь, усну. Позволь, глаза закрою,
позволь, умру. Позволь, в песок зарую
я голову, и пусть оглохнет слух.

У серых стен я молча посижу.
Плыви, мой друг, плыви по морю боли.
Не оглянись – и выплывешь на волю,
а я тебя глазами провожу.

Не чаю я, как душу мне спасти.
Отчаянье отваге не помощник.
Прости меня, что в этот час полнощный
я шлю тебе последнее прости.

Плыви – а я опять вернусь на круг.
Плыви – не мне учить тебя неволе,
так срамно мне, но я не в силах боле.
Плыви по морю боли, милый друг!

*

Нет, я не коснусь вас болтливым стилем,
любимые лица под толстым стеклом.
Я лишь подышу, вас держа пред собой,
Я лишь посижу, побаюкаю боль,
я только – ей ласково поворожить:
«Спи, дочка, спи, ласточка, не ворошись:
метаться ведь нечего от мужа к жене.
Иначе далече, а других уже нет...»
Вот билось. Вот – радовалось. Струилось, Текло.
Вот – баста! Запрятывалось! Туда! Под стекло!
Глаза ненаглядные, и вечный покой
под тихой
стеклянную,
уснувшей
рекой.

*

Свобода

Свобода, как ты дорога!
Вода твоя вкусна.
Неколебимы берега
труда, любви и сна.

Неугасимы огоньки
поселков и столиц,
и словно яблоки, гладки
овалы детских лиц.

Свобода! Воздух, свет, дома,
дорога, сердца бой...
Ты разумеешься сама
собой. Сама собой!

И трудно узнает душа,
всей болью мышц и жил,
что воздух нужен ей – дышать,
а сердце нужно – жить.

*

Ларисе Богораз и Юлию Даниэлю

Веселый, теплый дом,
наполненный любовью,
воздвигнутый трудом
и освященный кровью.

Я за тебя дрожу,
а без тебя я стыну,
и все-таки скажу,
что быть с тобой – мне стыдно.

О вечера, когда
летя на свет из теми,
друзей моих беда
стучит в глухие стены!

Она стучит, стучит,
она кричит басисто,
а дом молчит, молчит,
мой дом молчит бессильно.

Мой дом молчит в ответ,
в ответах мало толку,
и льет за окна свет
классическая елка.

*

Не я

Нет, то была не я, не я!
Не я глазами колдовала,
не я губами целовала,
не голубок и не змея,
и не своя и не твоя...
И вновь – не я,
 опять – не я,
под стук колес, на жестком ложе,
за молодой немудрой ложью
боль и погибель затая,
не я, клянусь тебе, не я!

Не я открыла дверь – беде
с нечеловеческою мордой,
не я была в те годы мертвой
и ожила неведомо где,

не я, не я, из года в год, –
с другим лицом, с другой судьбою –
женою, матерью, сестрою
перебывала в свой черед,

не я в веселые моря
бросала радость и усталость...
Чудная жизнь вдали осталась,
чужая чья-то, не моя.

Гляжу, на локоть опершись,
дивлюсь, волнуясь, протестую...
В свою не верю, прожитую,
еще не конченную жизнь.

1971

Борису Чичибабину

*

О милый брат мой, каторжник и неуч!
О лучшее сокровище мое!
Ни кесари, ни бедствия, ни немощь
твое не перемелют бытие!

Твои смешные, странные замашки
я не отдам на справедливый суд:
ведь у тебя бумажки есть в кармашке...
Бумажки есть в кармашке – в этом суть.

Дворцы и тюрьмы, города и веси,
все ихнее величье и почет, –
одна твоя бумажка перевесит,
дух освежит, от духоты спасет.

Твоя казна – особенного рода:
за беспорядок твой, за неуют,
за твой глоток шального кислорода –
в стране моей свободу отдают.

Ах, все на свете знаем и опишем:
что плоть у нас слаба, а дух. раним,
и чудо, что еще покуда дышим
на родине мы воздухом родным,
что в божьей воле – божие творенье,
слова – и те не вечны, и т. п.

Пусть выживет мое стихотворенье,
мое стихотворенье о тебе.

*

А прошлое, как старый дом,
Там было холодно и тесно,
но все привычно и уместно,
расставлено, хоть и с трудом.

Но близок новый переезд:
вот-вот, с недели на неделю.
А скарб все ветше, груз тяжеле.
все меньше на повозке мест.

Друг милый, потеснись слегка,
ведь что упало, то пропало.
Теперь поедem, как попало,
теперь дорога коротка.

Не плачь! Одна у нас беда,
что все ломается, все бьется,
и вовсе в руки не дается,
и ускользает навсегда.

Не плачь! Мы легкою стопой
пройдем пешком пути остаток,
нагие с головы до пяток,
зато... Ну, плачь... Ну, Бог с тобой.

*

Мой друг, какой позор – быть вечно юным:
пора, мой друг, состариться, пора!
Душе спустить натянутые струны,
уму – прогнать безумства со двора.

Не бог-то вещь великие находки –
печальный смех и прошлогодний снег...
Пора утяжелить свою походку,
сбить пар, убавить пыл, замедлить бег.

Пора писать не главы – примечанья,
пора увековечивать житье.
Мой друг, к чему нам жизнь без окончанья?
Начало – помнишь? – было у нее!

Ты погляди, старик, сам Бог смеется,
что даже старость нам не удастся.

*

Благодарность

Я от тебя, ты от меня – далеко.
Друг друга зная, помня и любя,
мы врозь идем. Ищу свою дорогу
не так, как ты, – отдельно от тебя.

Но ты идешь – и значит, я не слягу,
но ты идешь – и легче мне идти,
когда я вижу огонек твой слабый
на середине своего пути.

Из стихов Генриху Алтуняну

*

*Жил на свете рыцарь бедный...
А. С. Пушкин*

Как таинствен путь над бездной
через дым и сквозь туман...
Жил на свете рыцарь бедный,
рыцарь Генрих Алтунян.

Верен рыцарским законам,
честь которых так строга,
он мечом своим картонным
на смерть поражал врага.

Словом, рыцарь был как рыцарь:
описала, как могла...
За обиженных вступиться,
коркой хлеба поделиться –
вот и все его дела.

И за эти приключения,
непостижные уму,
получил он назначенье
в Хладногорскую тюрьму...

Вы спросили: «Почему?»
Потому что, как ни пробуй,
как ты там ни выбирай –
только так ведет дорога:
от порога до порога,
через тюрьмы – прямо в рай.

*

О, Родина-мать! Что за страсть у тебя – убивать
детей самых лучших своих, самых храбрых
и самых красивых,
и, не схоронивши, бросать в лопухи и крапиву
и самую память о них навсегда предавать?

Безумная! Разве он был на мученья зачат
и создан тобою – бойцом, крикуном, тамадою,
затем, чтобы в тюрьмах, на нары склонясь головою,
из мрака вылавливать солнечных робких зайчат?

Он сам – твоё солнышко, плоти твоей торжество
и южный размах твоего вознесенного духа.
О, Родина-мать! Ты, наверно, и вправду старуха...
Опомнись! Спаси же! Верни на свет Божий его!

*

О чем тут речь ведется,
о чем я вам пою?
Что вспомнить мне придется
у жизни на краю?

Обрывки строк забытых,
не взятые в музей,
и загнанных, забитых,
замученных друзей?

Как через ложь и дурь мы
шагали тяжело?

Нужду, труды и тюрьмы,
и больше ничего?

О, нет! Запомнят стены
и вам расскажут вновь,
что не было измены
и что была любовь!

Нет тайны – от подушки,
нишка – от тюфяка.
Металл тюремной кружки
все помнит на века.

И сам вельможный ветер
вам пропоет из тьмы,
как жили мы на свете
среди лихой зимы.

*

Семь долгих лет, как Иаков за Рахиль,
отслужим за тебя перед всевышним,
Семь лет – и ни один не будет лишним.
Семь долгих лет – и это просто быть.

И это просто будничный рассказ:
в который раз уверенно и четко
в пейзаж наш бедный впишется решетка.
Семь лет – мы за тебя, а ты – за нас.

А ты за нас... И ветер стороной,
и гром умолк, и песенка пропета.
И высоко стоит твоя победа,
твоя победа – ровно в жизнь ценой.

Памяти Анатолия Марченко

*

Жил человек один в моей стране...
Жил человек – и мы здесь жили-были...
Сородичи! Как это срамно мне,
что с н и м и вместе мы его убили!
И с этих пор мне некуда девать
сей срам: все мельтешит, мелькают лица,
где «наши» и где «ваши» – наплевать:
теперь нам суждено навеки слиться.
Живем, и нам бывает хорошо,
когда мы вместе, и смеются дети,
но он-то с нами шел – и не дошел,
его убили – нам не жить на свете...
Всю жизнь висел у бездны на краю...
Всю жизнь над ним витала злая птица...
Ах, стыдно мне за родину мою,
что вечен бой и что покой лишь снится.

*

Бледно-розовый февраль,
сизый, дымчатый, молочный...
Все святое непорочно
ты вбираешь, глядя вдаль.

Тихо, тайно смотришь ты,
возвратить мне обещаю
все, чего душа не чаёт,
и глаза твои чисты,

и чисты твои снега,
и, секунды отмечая,
сгоряча не отличая
даже друга от врага,

мы поверили в тебя,
потому что так природно,
так светло и благородно –
верить, вторить, жить, любя...

Но прищурь глаза свои:
в чистом поле все, как было...
Чистопольская могила
как раскрытая, стоит...

Прощание

Лине и Алику Волковым

Пробил час. Божий глас раздаётся
над расколотой нашей судьбой...

Половина души остаётся,
половину возьмите с собой,

чтоб в полосочке памяти узкой
вечно пел дух берез и полей
о печали еврейской и русской,
о немолчной печали моей.

*

Вот уедете – и все:
память птицей голубою –
гильотиной – колесо
над моею головою.

*

Что же делать, раз выпало так,
раз так хочет неистовый Бог?
Он и вечно был грозный чудак,
но грозней начудить бы не смог.

Зов судьбы, голос труб, гром литавр,
за плечами две тысячи лет.
И деревья, с корнями, летят,
а другие рыдают им вслед,

потому что – смирись и замри –
тот же Бог за тобою, за мной,
потому что росли – из земли,
потому что срослись – под землей,

потому что, кого ни моли –
рок – стоять – на посмертный почет!
Ах, как ранены корни мои!
Как им больно, как сок их течет!

* * *

Леониду Пугачеву

Вранье! Мы, все же, победим!
Не говорю, что одолеем!
Всего скорее околеем,
наивно доказуя им,
что деньги – сор, а слава – дым...
И все же, все же, победим.

Ведь это *мы*, а не *они*,
даем народу хлеб и воду
любви, искусства и свободы,
ведь это *мы*, а не *они*,
решаем, ведро или слякоть,
смеяться людям или плакать.
Ведь это *мы*, из наших комнат!
Ведь это нас с любовью вспомнит
народ в предбудущие дни!

Мы победим, а не *они*!

Чужое горе

Леониду Кагану

Мне говорят; «Живи в покое,
чего тебе недостает?»

Но горе глупое, людское
меня повсюду достает.

Я не ищу: оно находит
меня и сроку не дает,
и рядом ходит, рядом ходит,
и слезы льет. И в сердце бьет.

Я не могу уйти от горя,
я не умею жить одна,
как не умеет жить без моря
в нем закипевшая волна.

* * *

Леониду Григорьяну

В своей одинокой квартире,
в последнем приюте своем,
в последнем убежище в мире
последние песни споем.

И снова поверим, как дети,
что смерти и тления нет,
что музыка музыку встретит,
поэта услышит поэт,

что снова, и снова, и снова,
как час этот тайный придет,
бредущее ошупью слово
на слово твое набредет.

В просторах бескрайних и снежных
замерзнувшие налегке,
обнимутся долго и нежно
и руку подержат в руке,

и слушает всяк, кто достоин,
как чудо над миром парит:
как тихо звезда со звездой
во мраке ночном говорит.

Сегодня ты, а завтра я...

*Оле Кучеренко
Леше Пугачеву
Юлику Даниэлю*

«Сегодня ты, а завтра я»,
и потому я не жалела бы,
что вас, от мира ошалелого,
поставив дерево на камень,
уносят прочь вперед ногами,
на круги инобытия.

Совсем бы не жалела я,
когда б вы всех дороже не были,
прекрасней были, лучше небыли...
Так обреченно, так фатально
смеялись, двигались, летали
в решетках нашего житья...

И вот теперь умолкли вы,
и стали лучшими и главными,
а ведь мы с вами были равными.
«Ну, что же, Юлька, Лешка, Лелька...
а нас ведь много! Нас ведь столько,
как солнца, неба и травы...»

Осиротевшие друзья,
затихшие и обедневшие,
стучим в сердца заледеневшие,
обходим прошлое кругами,
спешим к нему – вперед ногами,
сегодня ты, а завтра я...

Благодарность

Отцу Виктору

Спасибо Вам за то, что жили рядом,
в одной эпохе, на одном веку,
что помогали словом или взглядом
сказать слова и написать строку.

Спасибо, что со мною говорили,
когда так нужно было говорить,
спасибо, что иное мне открыли,
чего без Вас мне было не открыть,

и что глядели лишь отверстым взглядом
своих прекрасных близоруких глаз...

Спасибо, что со мною были рядом,
когда так худо было бы без Вас!

* * *

На склоне лет счастливая хожу,
счастливая, красивая (вот если б
не зеркало!). Я знаю – к рубежу
иду и я, с ровесниками вместе,
кто жив еще...

Я знаю наперед,
какой все это примет оборот,
когда мой час единственный пробьет,
и окажусь я у Его ворот...

Счастливая! И это несмотря,
наоборот скажу, благодаря
тому, что боль, точащая меня
(а без нее не проходило дня) –
она пребудет, и она продлится...

Боль, одиночество и ваши лица,
любимые мои! Пока живу –
они со мной, во сне и наяву:
моя отрада и мое богатство,
вы все со мной: чего же мне бояться?

Вам, мои родные!

Пройдет мое времечко, закончится осень,
ребятки любимые глаза мне закроют,
с мамой, с папой, с Хомушкой свидимся мы после
того, как свезут меня и в землю заруют.

Душе неприкаянной девять дней скитаться
разрешат близ вашего жилья дорогого,
сорок дней позволят ей на Земле остаться,
а потом ищи себе приюта другого.

Где искать – неведомо, что искать – не сказано,
тыща книг прочитана – для чего, однако?
Легонькой и тоненькой ниточкой завязано
все кругом, а почему – об этом ни знака.

Но одно, наверное, чую – хоть откудава –
я про это дело вам не скажу ни слова:
больше не увижу я горького и чудного,
грустного, веселого бытия земного,

что Земля мне выдала, за что – не ответила.
Почему я родилась, я, а не иные,
почему любила вас, почему вас встретила,
родила, изобрела – вас, мои родные?

Вам, а не кому-то там – труды и старания,
к вам, а не к кому-то там – вопросы-ответы,
только вам и только вам – радости-страдания,
только вам и только вам – и здесь, а не где-то!

Содержание

«Сестра моя надежда...»	5
Саша Савранская. Несколько слов о книге и ее авторе	6
НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ!	
«Не верь, не бойся, не проси!»	11
«Что было в жизни худшего...»	12
«Зимний полдень, вечер летний...»	13
«Из любви и беды...»	14
Радость	15
Как я опаздываю на автобус	16
Движение	18
«Поистине чудо...»	19
Все будет завтра	20
«Как полон был прошедший день...»	21
Побег из Содома	22
Век	23
Правда	25
«Не ври, не ври, здоров, не болен...»	26
«Ведь что вытворяли!...»	27
Народовольцы	28
«Все, кто оружие с омерзеньем в руки...»	29
Слова	30
«Слова, слова, слова... Да где они, да что они...»	31
«Ну, что, брат Пушкин...»	32
Песня о маятнике	33
Песня о весеннем снеге	35
Дорога	36
Что-то новое случится	38
Сказка про золотую рыбку	39
Голоса улетающих птиц	40
Яд Ва-шем, детский зал	41
Прозрачный октябрь	42
«Как будто сердце осени горит...»	43

Цветок	44
«Блаженно живу усмехаясь...»	45
«Зной поспеет, брызнет сок...»	46
«Что мое – то мое...»	47
Молитва	48
Река времен	49
Начало	50
«Как же уютно мне, Господи...»	51
Слово	52
«Ослепительна жизнь напоследок!...»	53
«Неслыханные перемены...»	54
Все кончается...	56
Снег, ты мой друг...	57
Размышление в ненастный день о том, что такое счастье	58
ОДНА ЛЮБОВЬ	
Одна любовь	61
Как отдать?	62
ПАМЯТИ МОЕГО МУЖА	
ЕФИМА ЮЛЬЕВИЧА ЗАХАРОВА	
«Стоит наш дом...»	64
«Ты воздух: дышу и не знаю...»	65
«Двадцать лет назад тому...»	65
Дождались мы!	66
«Ты друг единственный...»	67
«Уже полсотни лет без года...»	67
«Я одинока, друже, и это хорошо...»	68
«Как тебе удалось после смерти твоей...»	69
СЫНУ ЖЕНЕ	
Ты заплакал	70
Страшусь двух слов: всегда и никогда	70
Как я не умерла	71
Подпорченный сонет	73
Прогулка с дочерью	74
«Как хороши наши дети, когда соберутся...»	76

Рядом с любимым ребенком	77
Любовь	78
Всем моим детям	79
«Знаете вы, как смеются дети?...»	80
ЮЛИЮ ДАНИЭЛЮ	
«Я боли больше видеть не могу...»	82
Нет, я не коснусь вас болтливым стилем	83
Свобода	83
Веселый, теплый дом	84
Не я	85
БОРИСУ ЧИЧИБАБИНУ	
«О милый друг мой, каторжник и неуч...»	87
«А прошлое, как старый дом...»	88
«Мой друг, какой позор быть вечно юным...»	89
Благодарность	89
ИЗ СТИХОВ ГЕНРИХУ АЛТУНЯНУ	
«Как таинствен путь над бездной...»	90
«О Родина-мать!..»	91
«О чем тут речь ведется...»	91
«Семь долгих лет, как Иаков...»	92
ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО	
«Жил человек один в моей стране...»	94
«Бледно-розовый февраль...»	95
ПРОЩАНИЕ	
«Пробил час. Божий глас раздается...»	96
«Вот уедете – и все...»	96
«Что же делать, раз выпало так...»	96
«Вранье! Мы все же победим!..»	98
Чужое горе	99
«В своей одинокой квартире...»	100
Сегодня ты, а завтра я...	101
Благодарность	102
«На склоне лет счастливая живу...»	103
Вам, мои родные!	104
СОДЕРЖАНИЕ	105

Книга поезій
Марлени Рахліної
(29.08.2025 – 5.06.2010)
друкується до 100-річчя від дня народження автора.

Літературно-художнє видання

Рахліна Марлена Давидівна
Я щаслива була

Укладач Саша Савранська
(російською мовою)

Редактор
Євген Захаров

Формат 70x100 1/32
Тираж 500 прим.

Видавництво «Оптіма».

Україна, 04050, Київ, ул. Олександра Кониського, 69, 6.

Тел. 38 044 486 49 31. e-mail: igorgilbo@gmail.com

Свідоцтво про внесення в Державний реєстр видавців

ДК № 171 від 17.09.2000 р.